Социология

ВЛАСТЬ УСТАМИ МЛАДЕНЦЕВ

(О детском политическом анекдоте)

Анекдоты незримо сопровождают нас с самого раннего детства, и в известном смысле можно утверждать, что мы живем в обществе, состоящем из потенциальных рассказчиков и слушателей анекдотов. О том, что дети любят рассказывать анекдоты знает, пожалуй, каждый взрослый. Многие родители помнят день, когда их 4-5-летний малыш впервые произнес заветную фразу: «Пап, рассказать тебе анекдот?» Кого-то из родителей это умилило, кого-то удивило, но в целом было воспринято так естественно и обыденно, что особого беспокойства не вызвало, но разве что некоторые мысли типа: «Чего бы дурного не нахваталася в этом садике...»

Детские анекдоты долгое время оставались за пределами исследовательского интереса социологов. И дело здесь не столько в сложности работы с детским (дошкольным) возрастом, сколько в бытующем среди ученых мнении о ненужности, незначимости такого рода информации. Лишь сравнительно недавно наметился некоторый ренессанс в освоении «мира детей». Ученые наконец-то начали преодолевать в отношении детской устной традиции своеобразный «барьер тривиальности». Появились публикации М.Осориной, М.Новицкой, С.Тихомирова, Л.Успенского, С.Борисова и др., посвященные отдельным жанрам детского и подросткового фольклора. Однако эти авторы не касались политической темы. Да и в целом «мир детства» по-прежнему остается наименее разработанным пластом социологической науки.

Сегодня говорить о едином и непротиворечивом методе изучения детского политического фольклора еще не приходится. Речь, по сути, идет пока о конституировании самой проблематики. Мы же, учитывая особенности детского возраста и предмета исследования, опирались главным образом на социогуманитарные подходы в традиции «понимающей социологии». Сбор информации осуществлялся с помощью индивидуального глубинного интервью в обычных детских садах г.Екатеринбурга на протяжении последних пяти лет. Доверительное общение с детьми заметно снижало ограничения «взрослой» цензуры. Это давало возможность зафиксировать материал о «запретных» темах, которые, как представляется, составляют значительную часть реально бытующих детских текстов.

Целенаправленно изучая дошкольную среду с точки зрения наличия у детей политических стереотипов, смыслообразов и мифов, мы заметили, что дети, начиная с 3-4-летнего возраста, способны воспринимать и эмоционально оценивать те или иные политические события, факты, персоналии. Более того, в этом возрасте они способны к индивидуальной интерпретации отдельных символико-политических феноменов: политический лидер, национальный флаг, образ врага, образ Родины и т.д. К 6-7 годам политические стереотипы и мифы приобретают у детей очерченную и устойчивую форму. Некоторые из них детям предстоит пронести в своем сознании через многие годы.

Неформально общаясь с детьми, мы столкнулись с особым феноменом политической культуры, который можно условно назвать латентной политической культурой, то есть неявной, потаенной, скрытой от глаз и внимания взрослого человека. Политическая культура детей не санкционирована взрослыми, не претендует на обнародование, а попросту бытует, живет своей жизнью по собственным законам и спонтанно воспроизводится во всяком детском сообществе. На вербальном уровне она предстает в детских устных рассказах о событиях политической жизни общества (это могут быть и доверительные беседы с исследователем, и комментарии по поводу увиденного на телеэкране) и детском фольклоре, главным образом — в политических анекдотах.

В прошлом веке слово «анекдот» означало обычно приключившееся с кем-то подлинное происшествие. Современный анекдот чаще всего вымышленный комический случай, остроумная модель реальных отношений. В разнообразной палитре детских анекдотов наряду с неизменными чебурашками, крокодилами генами, обезьянками, королями и пр. особое место занимают анекдоты, где главными действующими лицами выступают политические персонажи. Назовем их — политическими. Обычно они начинаются так: «Раз Ельцин поспорил с Горбачевым...», или так: «Встретился Ельцин с Лениным...», или так: «Приходит Гитлер и говорит...». О прочности и живучести жанра детского политического анекдота свидетельствует хотя бы тот факт, что он встречается в любом коллективе дошкольников. Правда, детей-носителей и передатчиков анекдотов не так уж много. По нашим оценкам — не более 10% готовы по просьбе исследователя тут же рассказать вспомнившийся им анекдот про политиков. Но уж если ребенок знает такие анекдоты, то обязательно расскажет не один, не два, а три, четыре и более. Давайте же посмотрим на детский политический анекдот серьезно, насколько это возможно, учитывая специфику жанра и возраст рассказчиков.

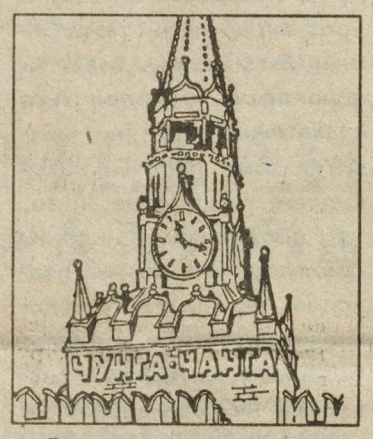
Для начала заметим, что детские анекдоты в отличие от других фольклорных жанров (считалки, песенки, стишки, дразнилки) практически неповторяемы и уникальны. Как правило, анекдоты имеют хождение внутри одного детского коллектива и очень редко транслируются в другие сообщества. Можно обойти десятки детских садов и не зафиксировать повторяющихся анекдотов, они везде будут разными. Зато дети из одной группы детского сада наверняка будут рассказывать одни и те же анекдоты.

Условно анекдоты дошкольников можно разделить на три большие группы. Первая группа — это анекдоты, рожденные во взрослой среде, заимствованные оттуда детьми и адаптированные ими под свой возраст. Назовем их псевдодетскими. Такие анекдоты соответствуют всем признакам традиционного взрослого анекдота: игра слов, подтекст, иносказание. Они лаконичны, умны, каждое слово точно выверено и взвешено; они устойчивы, то есть рождаются на злобу дня и живут до тех пор, пока фиксируют некоторую противоречивость социальной реальности. Эти анекдоты с легкостью передаются из одного детского коллектива в другой и с интересом воспринимаются как в детской, так и во взрослой аудитории. Рассказывая такой анекдот, ребенок может продемонстрировать перед друзьями или родителями зрелость своих интеллектуальных умений. Вот, к примеру, несколько типичных псевдодетских анекдотов, записанных в 1991 году.

«Сидит Горбачев. Заходит Сусанин. Горбачев говорит: — Что же ты не сказал, я бы весь съезд собрал?! А Сусанин: — Зови весь съезд, я вас дальше поведу!»

«Идет Горбачев по тротуару и у него заболела голова. Заходит в аптеку и спрашивает: — Есть ли что от головы? Ему говорят: — Молоток.»

«Едут на заседание Горбачев и Ельцин. Горбачев на «Запорожце», Ельцин на «Волге». У Горбачева сломался мотор. Он выходит из машины, открывает багажник и говорит: — Вот до чего дошло, уже на ходу моторы воруют!»



Вторая группа — истинно детские анекдоты. Они чаще всего встречаются в детской среде и имеют широкое хождение среди дошкольников. Эти анекдоты рождены самими детьми, хотя автор, естественно, неизвестен; оформлены в соответствующую лексическую и смысловую форму и, как правило, непонятны, скучны и неинтересны для взрослого человека. В них нет привычного для взрослого уха подтекста, игры слов. Здесь, скорее, присутствует лишь внешняя комичность: герой упал, шарахнулся, стукнулся лбом, упал в бочку, улетел в лужу, взорвался и т.д. Да и ритмика истинно детского анекдота существенно отличается от взрослого. Это не короткий рассказ, а целое повествование с детальным, многократным (слово в слово) повтором предисловия, за которым следует неожиданная и скоротечная развязка. В подобных анекдотах ребята описывают собственный жизненный опыт и воспроизводят хорошо им знакомые модели взаимоотношений между людьми. Именно поэтому такие анекдоты, по нашим наблюдениям, охотнее всего рассказываются и запоминаются детьми.

«Летят Горбачев с Ельциным в самолете. Ельцин сидит, а Горбачев все время песенку поет: — Калинка, калинка, калинка моя. Ельцин ему говорит: — Перестань песню петь, а то накажу. Горбачев не послушался и опять поет: — Калинка, калинка, калинка моя. Ельцин ему опять говорит: — Перестань песню петь, а то накажу. Горбачев все равно поет: — Калинка, калинка, калинка моя. Тогда Ельцин взял чемодан у Горбачева и выбросил его в окошко!»

(Анекдот записан в 1992 г.)

И, наконец, третья группа анекдотов — это анекдоты-экспромты. Они рождаются в голове ребенка в процессе беседы с исследователем и, как правило, инициированы самим исследователем. Откликаясь на просьбу социолога рассказать что-нибудь смешное о политике, ребенок, если в запасе у него нет готового анекдота, начинает в буквальном смысле фантазировать и придумывать некий смешной, на его взгляд, рассказ на политическую тему. Ситуация, как правило, извлекается из подручного материала. Особенно этим отличаются коммуникабельные, контактные дети. В традиционном анекдоте вопрос о персональном авторе снимается. С анекдотом-экспромтом дело обстоит по-другому. Автор перед нами, мы присутствуем при рождении анекдота. Внешне эти фантазии вовсе не напоминают традиционную форму анекдота, а выглядят, скорее, как сплошной поток сознания, неупорядоченный, эмоционально окрашенный набор фраз и характеристик. Ребенок может начать повествование о Ельцине и татарине, а закончить Петькой с Чапаевым, он может виртуозно использовать в рассказе переиначенные им крылатые выражения: «...Совершено нападение на депутата. Приезжают эти бандиты. Опять стреляли. И в газетах пишут: «Пуля попала в качель. Никто не пострадал. Депутат живее всех живых и будет жить!». Такие рассказы, а дети их идентифицируют как самые настоящие анекдоты, в буквальном смысле неповторимы, ибо рассказываются только один раз. Никто, даже сам рассказчик, уже не сможет повторить такой анекдот. Тем не менее и они представляют исследовательский интерес, поскольку не лишены смысловой нагрузки.

«Пошел Горбачев на сессию и по дорожке ножку сломал. Приходит в больницу и говорит: «Почините мне ножку». Стали они с Ельциным в больнице в посудку играть. Ельцин пожарил Горбачеву слона, курочку и всякое такое, а чеснок-то был сделан из бомбы. Горбачев съел чеснок и взорвался!»

(Анекдот записан в 1991 г.)

«Один раз идет Ельцин с прокурором и ведет его за веревочку. Приходит в акцию АО «МММ» и говорит: «Моему прокурору надо дать пропечатку билета». Потом пошел, стал рельсой. По нему идет поезд, он закричал и умер, а рельсы потом мягче стали. А акции им не дали, потому что ему не верит никто.»

(Анекдот записан в 1994 г.)

Само существование латентной политической культуры говорит о наличии у детей некоей социально-духовной потребности, которую не способны удовлетворить другие культурные образования. Когда ребенок обращается к другому ребенку с предложением рассказать анекдот, он предлагает не просто дурашливое времяпрепровождение, а нечто большее — обмен важнейшей информацией о «взрослой» жизни. Можно предположить, что детский политический анекдот выступает своеобразным способом хранения и передачи социального знания, к тому же — он сам является мощным источником формирования определенных политических ориентаций и моделей мировосприятия.

В самом деле, анекдот, само существование которого предполагает типизацию реальности, становится средством познания мира. Политический анекдот не только добывает социальное знание из-под «кресла» официальной культуры. Он удовлетворяет потребность в такого рода знании и, следовательно, предоставляет возможность ориентации в сфере социальной реальности. Потому-то анекдот, при всех прочих обстоятельствах, является необходимым звеном в политической социализации, в структурировании и организации «жизненного мира» каждого индивида. Ведь, пожалуй, только анекдоту подвластно «соскоблить» с представлений о реальности все фальшивое и наносное, обнажая ее часто в буквальном смысле.

Угрюмой серьезности взрослого запрета противостоит смешливость ребенка-нарушителя. Для взрослых все темы и проблемы детских анекдотов запретны в строго определенном смысле. Они запретны, прежде всего, с точки зрения благопристойности. Детский анекдот опротестовывает лицемерие нравственности взрослых, смеется над ней. Откровенный натурализм детского анекдота («фекальная» тема) становится оппозицией разыгрываемой благопристойности взрослых. Другой запрет касается политики — в сущности, тоже благопристойности, но уже не бытовой, а государственной, трактующей о строгих правилах не личного, а гражданского поведения. Быт и политика — этими двумя областями только и занят детский анекдот. По крайней мере, не менее 90% услышанных и записанных нами в детских садах анекдотов относятся к той или другой сфере — или к обеим сразу.

В политизированном обществе всякий анекдот становится политической сатирой на окружающий мир, а дети в таком обществе постигают реаль-

Социология

ность через политические анекдоты. Через них ребенок приобщается к миру взрослых, «схватывая» фрагменты социального знания, закодированного в емкой формуле анекдота. Проговаривая анекдот, ребенок погружает политиков в знакомую ему сферу повседневности и быта. Персонажи-политики «ползут по трубе», «лезут на дерево», «сидят на унитазе», «лежат в больнице», «едят бананы» и т.д. Незнакомая и таинственная сфера политики в устах ребенка вдруг приобретает обыденные черты, политики становятся похожими на каждого из нас, харизма сбрасывается. Происходит своего рода «десакрализация» политического, поскольку над этим можно смеяться. Политический анекдот для ребенка восполняет, тем самым, дефицит социального знания о политике и политиках, приближая их к пониманию детским сознанием. Анекдот как бы фиксирует, что политики — они чужие, но их инаковость понимаема и принимаема детьми.

Юмор, заключенный в детском анекдоте, не всегда глумливый, порой просто добродушный. Главное же — анекдот дает точную формулировку запретной правды, опровергая «взрослую» ложь. Детский анекдот — это правдивый апокриф, противостоящий «взрослому» мифу. Проговаривая запретный анекдот, дети дышат свободой, свободой от родительского и государева ока.

Таким образом, детский политический анекдот выполняет две важнейшие общественные функции: информационную и функцию политической социализации. Он, одновременно, несет сообщение, противостоящее официозу, и «вводит» ребенка в мир политики, давая возможность ориентироваться в социальном пространстве.

Детский анекдот всегда детален, внимателен и заботлив к мелочам. В нем не действует такой персонаж, как политик вообще. Лица всегда конкретны и индивидуальны — Гитлер, Сталин, Ленин, Ельцин, Горбачев и т.д. Свободные от внутренней цензуры анекдоты детей смело вторгаются в «неудобную» сферу жизни политиков, тонко подмечая специфическое и типическое для данного персонажа. Рассказывание анекдота — это всегда некая игра тайного с общеизвестным, неведомого с очевидным. Анекдот способен «ухватить» нечто, не поддающееся точному и строгому описанию. Политический анекдот в устах ребенка, шаржируя и пародируя, зачастую буквально издевается над своими героями:

«Раз Ельцин поспорил с Горбачевым. Горбачев рассердился на Ельцина и раскопал яму. Ельцин туда упал. Горбачев говорит: — Индейская шутка, выход налево! Ельцин вылез из ямы и тоже выкопал яму для Горбачева. Горбачев туда упал, а Ельцин говорит ему: — Русская шутка, выхода нет!.»

(Анекдот записан в 1992 г.)

Повод и сюжет здесь принципиально не важны. И неважно, что это выдумка, важно «приписывание» персонажу такого странного образа действий, который дает основание посмеяться над ним.

Не будем обсуждать, имеет ли детский анекдот реальную основу. Показательно другое — анекдот уловил, «почувствовал» тенденцию. Перед нами пример социального анекдотного знания, которое оказывается небезосновательным. По многим деталям, собранным наблюдениям (разговоры родителей, кадры телепередач и пр.) ребенок констатирует факт: президенты «копают» друг под друга, причем один из них страдает пристрастием к алкоголю. Столь же небезосновательны и другие сюжеты, повествующие о том, как Ельцин, к примеру, поспорил с Клинтоном — у кого сильнее солдаты, или как Ельцин спихнул Горбачева, а тот не смог подняться, или как Ельцин жаловался Ленину, что дела в России плохи. Или такой, нами уже упоминавшийся: «Один раз идет Ельцин с прокурором и ведет его за веревочку...».

Несмотря на видимую простоту и даже банальность схемы, детский политический анекдот феноменологичен по сути — как индикатор состояния массового сознания. Нынешний президент в детских анекдотах — ловкий интриган и заядлый спорщик, воюющий солдат и просто глупый человек, до которого смысл слов доходит только с десятого раза, и политик, потерявший свое лицо — его не могут «разгадать» даже люди из ближайшего окружения:

«Борис Николаевич Ельцин приехал к себе в Россию. Сидит, сидит. Приходят к нему политики. — Борис Николаевич, кто вы? — А я не скажу. — Ну, кто вы? — А не скажу кто, не скажу!»

(Анекдот записан в 1995 г.)

Собственно, пафос многих детских анекдотов о президенте и заключается в «разгадывании» образа первого лица в государстве, в очевидности несовпадения образа президента, сложившегося в массовом сознании, с образом, выстраиваемым официальной идеологией. «Наш» или «не наш»? — коллизия двузначного существования характерна для всех детских анекдотов о президенте. Как правило, дети приписывают своему персонажу столь странные мысли и действия, что и сам он становится странным, непонятным и, следовательно, «не нашим».

За последние три-четыре года «взрослый» анекдот заметно пошел на убыль, редко услышишь что-нибудь новенькое. Не скудеет только детский политический анекдот, он по-прежнему противостоит и будет противостоять миру взрослых, миру официальной культуры, а, следовательно, неисчерпаем. Мы лишь прикоснулись к этой теме, попытавшись представить ее как проблемную и заслуживающую научного анализа. Что касается политической цензуры, то можем заверить, что все представленные анекдоты детей подлинные, а значит обижаться на них бессмысленно. Так уж повелось у нас: какие политики — такие и анекдоты. А из анекдота, как и из песни, слово не выкинешь, тем более из детского. К тому же пословица гласит:«устами младенца глаголет истина».

С.МОШКИН, В.РУДЕНКО,

старшие научные сотрудники ИФиП УрО РАН, кандидаты философских наук

Проиллюстрировать текст помогла газета «Красная бурда»

К 50-летию Победы

ХИМИКИ УПИ В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Окончание. Начало на стр.3

Исаак Яковлевич взял на завод и двух аспирантов второго года обучения: Рувима Григорьевича Бейлеса и меня. Рувим Григорьевич вскоре был призван в армию. Он вернулся в 1945 году на кафедру и успешно закончил аспирантуру. А я всю войну работала на заводе и в организованном на его базе филиале ВНИХФИ, а затем вернулась на кафедру ассистентом.

Самоотверженно работала всю войну на заводе препаратор кафедры Анна Алексеевна Калистратова (тогда молодая Нюся).

Вместе с нами на заводе работали две совсем молодые девушки, только что окончившие наш химфак. Это были Наташа Серебрякова и Вера Шишкина. После войны Наталия Валерьяновна Серебрякова была научным сотрудником кафедры до 1984 года. Вера Ивановна Шишкина после войны работала на кафедре красителей, ныне она профессор, доктор химических наук.

Таким образом все мы, в то время еще очень молодые (самому старшему — нашему руководителю не было и 40 лет) оказались в гуще очень важных событий.

Мы должны были как можно быстрее, буквально в считанные дни, наладить производство сульфамидных препаратов — стрептоцида, сульфидина, норсульфазола. Эти препараты являлись самыми действенными средствами лечения раневых инфекций и газовой гангрены.

Лабораторные методики в основном нами были уже разработаны, но требовались и значительные изменения и усовершенствования — подбор и замена растворителей, изыскание новых видов сырья, упрощение технологии, повышение выходов. А вот переход к крупнолабораторным и заводским масштабам производства тормозился недостатком аппаратуры. В нашем распоряжении были лишь эмалированные ведра, тазы и прочее. С ними и начали работу.

Работали буквально день и ночь. Ведь с первого же месяца войны в свердловские госпитали стали поступать эшелоны раненых. И мы знали, как нужны наши сульфамиды. Кроме нас, нигде в Союзе они не производились. Поэтому, разрабатывая методы синтеза, мы стремились уже сейчас, до заводского внедрения, наработать сотни граммов и килограммы драгоценной продукции, которая тут же шла в госпитали и спасала жизни.

Есть периоды, решающие судьбу человека. Они запоминаются особенно ярко. Таким временем для меня стали осень и зима 1941-1942 годов. Двадцатисемилетняя женщина, только что проводившая мужа на фронт, я была охвачена одной мыслью — помочь Родине, приблизить Победу. А жизнь была очень трудной. Голод и холод начались с первых же месяцев войны.

Вот идешь рано утром из холодной, нетопленной каморки (дров нет, заборы истопили), улицы темные. Мне 40 минут ходьбы, транспорта никакого. Встречаются колонны молодых солдат — идут на вокзал, поют «Вставай, страна огромная...». Слезы душат. Где-то мой воин? Он на Калининском фронте. Зная о строгой цензуре, мы условились о некоторых фразах в письмах. И вот я узнаю, что ему очень и очень плохо. Черные тарелки репродукторов, хотя и скрывают многое, но уже и того, что что из них звучит, достаточно. Наши войска оставляют город за городом. Подходя к заводу, вытираю слезы. Никто не может сказать, что у меня «упадническое настроение». Узнаю, что ночью прибыл новый эшелон с ранеными — ходили разгружать, и все госпитали уже переполнены. А раненые гибнут не столько от ран, сколько от гнойных инфекций и газовой гангрены. Наши сульфамиды — единственное спасение для них. Надо любой ценой наработать как можно больше и отправить в госпиталь.

Я занята разработкой метода синтеза норсульфазола. Еще нет ни цеха, ни аппаратуры, но вопреки всему мы проводим реакции в ведрах и тазах, нарушая технику безопасности, но производим сотни грамм и килограммы препарата за сутки. Часто остаюсь ночевать где-нибудь в цехе у теплой трубы. Лишь бы сделать побольше, спасти побольше раненых. Ведь, может быть, среди них и мой муж. И тут же препарат идет в госпиталь. Задача ОТК проста — определить лишь температуру плавления соединения.

В конце 1941 года на завод прибыла группа сотрудников Московского ВНИХФИ, эвакуированных в Свердловск. Они привезли так необходимое нам лабораторное оборудование. Позднее на этой основе был организован Свердловский филиал ВНИХФИ. Он успешно работает и по сей день.

Одновременно с этим инженеры и рабочие завода оборудовали цеха и доставали с других заводов необходимую аппаратуру. И если в первые месяцы войны в госпитали шли только добытые нами неимоверным трудом первые килограммы и десятки килограммов, то уже в 1942 году был налажен производственный выпуск сульфамидных препаратов.

Наш руководитель Исаак Яковлевич Постовский, помимо синтеза и внедрения сульфамидов, еще много чем помогал госпиталям. Под его руководством был получен для клиник синтетический витамин К, препарат, останавливающий кровотечение. Работая в тесном контакте с медиками, Постовский разработал способ получения «бентонитовой пасты», способствующей быстрому заживлению ран. Не оставлял он и работы на кафедре. Нижние этажи химфака в то время занял эвакуированный военный завод и кафедру перевели в тесное помещение на четвертом этаже. На кафедре оставались ассистент Таисья Семеновна Белая, лаборант Вера Соломоновна Чесницкая и препаратор Мария Павловна Пивоварова. Занятия со студентами продолжались. Исаак Яковлевич читал лекции.

С 1943 года я уже занята улучшением методов получения норсульфазола. А за несколько месяцев до конца войны я защищаю кандидатскую диссертацию по 2-аминотиазолу.

Война идет к концу. Уже с радостью и надеждой слушаем мы голос Левитана из репродукторов. Наши войска освобождают город за городом. Но жестокий голод за все эти годы делает свое дело. Все мы в последней степени истощения, в тяжелой дистрофии. Мой вес 45 кг — я буквально скелет. Действительно, 600 г хлеба в день (и 400 г иждивенцу — матери), черного, мокрого, непитательного, и ничего более. Сажали, правда, картошку, редьку. Мама стоит в очереди за хлебом. Там нередки случаи голодных обмороков, люди умирают. Говорят, что продавщицы научились недовешивать по 5-10 г и имеют в день по буханке хлеба. На рынке буханка стоит 400 рублей — это как раз моя месячная зарплата. Все, что можно из вещей снести на рынок и выменять на баночку овса, на кусочек сала со спичечную коробку, уже снесено. Была рада, когда достала для мамы на месяц карточки УДП (усиленное диетическое питание, а в нашем переводе — «умрешь днем позже»). Это ежедневно поварешка мутной жидкости — супа и ложка каши. За первой стадией голодания, когда ощущается легкость и невесомость, наступила вторая — полнейший упадок сил. Но все вытерпели. В 1944-1945 годах стали уже давать пайки — сахар, яичный порошок, консервы. Все это казалось роскошью.

Весну 1945 года, кто ее пережил, никогда не забудет. Это радость и слезы, и надежда. И вот ДЕНЬ ПОБЕДЫ! Мы тоже участвовали в его приближении и честно исполнили свой долг. Хотя, конечно, самое трудное совершали те, кто был на фронте, на передовой.

Почти полвека прошло с тех пор, но все живо в памяти. Осталось нас сейчас — участников тех событий — совсем немного. Уже почти все, о ком здесь говорится, ушли из жизни. Светлая им память!

Н.БЕДНЯГИНА,

профессор кафедры органической химии

Фото С.НОВИКОВА